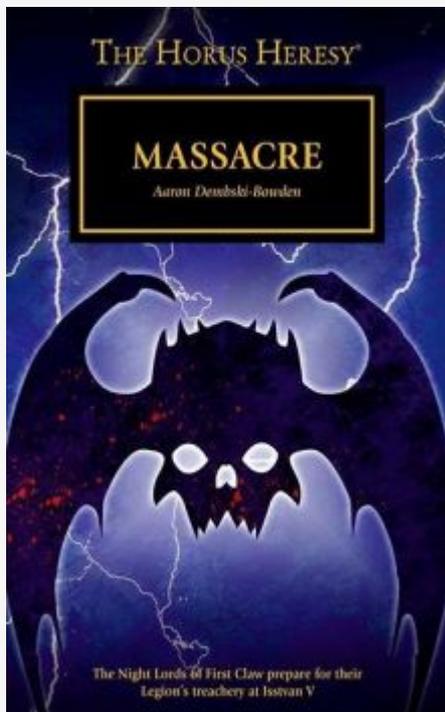

Резня / Massacre (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Резня / Massacre (рассказ)

Автор [Аарон Дембски-Боуден / Aaron Dembski-Bowden](#)

Переводчик [Brenner](#)

Издательство Black Library

Серия книг [Ересь Гора / Horus Heresy \(серия\)](#)

Год издания [2016](#)

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Скачать [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

Сюжетные связи

Входит в цикл [Повелители Ночи](#)

Следующая книга [Рыцарь Теней / Shadow Knight \(рассказ\)](#)

— Нас призывают, — произнес Малхариион. — Не сопровождающие нас подразделения Армии. Не

ауксилиии. Не Механикум. Только нас.

Командир флота открыл собрание этими словами, зная, что на них захочется откликнуться многим воинам.

— Этого от нас требует наивысшая власть, — продолжил он.

— Император? — без очереди вмешался один из его воинов. Как и предполагалось, вопрос вызвал в рядах приглушенное веселое ворчание.

— Наивысшая из тех, что мы признаем, — без улыбки поправился Малхарион. Он выглядел сурово, словно памятник, и был не из тех, кто демонстрирует свое веселье даже в те редкие моменты, когда испытывает его.

Военные советы Малхариона представляли собой неформальные собрания, хотя и не обходились без определенных протоколов. К вящему раздражению нижестоящих офицеров, Десятый капитан VIII легиона считал уместным без малейшего замечания менять эти протоколы, заимствуя традиции этикета из иных культур и даже у других легионов, казалось, руководствуясь при этом бессистемными порывами.

Он утверждал, что подобное подталкивает сородичей к рассмотрению новых перспектив в планировании и ведении войны. Многие из его братьев полагали, что он так поступает просто в силу извращенной эклектичности.

В настоящее время он выбрал искаженное подражание воинскому обычаю Лунных Волков выкладывать на середину символы и памятные предметы, чтобы продемонстрировать свое желание высказаться перед братьями. На борту «Мстительного духа» офицеры Лунных Волков обычно клали на центральный стол свое оружие или шлемы и ожидали, когда им разрешат заговорить. Здесь же, на военных советах VIII легиона на борту «Завета крови», Малхарион постановил, что его офицеры могут использовать только те вещи, которые забрали с тел павших врагов.

Присутствовало почти пятьдесят офицеров — капитаны, центурионы, чемпионы — и всех их сопровождал связанный клятвой почетный караул, а также личные помощники, вследствие чего под знаменами четырех боевых рот стояло в общей сложности около двух сотен воинов.

Каждому из присутствовавших Повелителей Ночи предоставили право слова вне зависимости от звания, а это означало, что черепов — использовавшихся в роли символов — было в изобилии. На столе были свалены громадные, вытянутые черепа чужих, на каждом из которых была выцарапана или нанесена краской надпись искривленными рунами сладкозвучного нострамского языка. Тут и там среди лишенных кожи костей лежало экзотическое оружие и фрагменты доспехов павших человеческих культур, которые VIII легион привел к Согласию, или же истребил.

Талос посмотрел на мрачную мешанину неупорядоченных груд, занимавших большую часть стола. Какой бы порядок не превалировал, когда эту традицию практиковали Лунные Волки, в исполнении Повелителей Ночи он отсутствовал. Не обладая эйдетической памятью космического десантника, было бы невозможно вспомнить, кто из воинов какую реликвию положил.

Молодой аптекарий держал шлем под мышкой, вдыхая теплый затхлый воздух, еле циркулировавший в напоминавшем пещеру зале. Чувства раздражало сладковатое зловоние — нечто, близкое к протухшей еде и странным мускусным пряностям. Оно казалось ему скорее навязчивым, нежели неприятным. Присоединившись к легиону Повелителей Ночи, чтобы сражаться в их войнах и путешествовать на борту кораблей-склепов, нельзя было при этом останавливаться от смрада разлагающейся плоти.

Талос бросил мимолетный взгляд на сотни трупов, свисавших с потолка на промышленных цепях. Большинство были людьми или эльдар в расколотых болтами и изодранных клинками доспехах, от многих теперь осталось немногим больше, чем перевитые жилами скелеты в разбитых панцирях. Нескольких подвесили за запястья и шею, прочих же за лодыжки, и мертвые руки свисали в направлении собравшихся офицеров, протягиваясь в беззвучной мольбе. Многие тела настолько плотно обмотали цепями, что они висели так, словно оказались в коконе из-за голодных причуд какого-то невероятного металлического паука.

Апотекарий вновь обратил свои темные глаза на собрание. Большую часть воздуха над усыпанным реликвиями столом занимал гололит армады Повелителей Ночи, который отображал пятнадцать кораблей различных классов, сопровождавших «Завет крови». Талос наблюдал, как нарисованный синим светом боевой корабль, являвшийся его домом с момента отбытия с Нострамо так много лет тому назад, мерцает, становясь в строй. Уступающие по размеру крейсера и фрегаты сопровождения медленно кружили в танце по периметру своего флагмана, а еще три боевых звездолета Повелителей Ночи держались рядом с «Заветом» в центре армады.

Талос смотрел на гибель своего родного мира с командной палубы «Завета».

Больше двух десятилетий назад он стоял там вместе с ближайшими из братьев, когда VIII легион залил свою родину огнем и разорвал ее на части злобой десяти тысяч пушек.

Это было последнее большое собрание Повелителей Ночи. Обстоятельство, в лучшем случае, горьковатое.

Из всех восемнадцати легионов мало кто избегал общества братьев столь тактично и часто, как VIII-й. Многие имперские командующие утверждали, будто не срабатываются с другими, но правда была несколько более забавна и мрачна.

Повелители Ночи практически не срабатывались *друг с другом*.

Апотекарий Талос моргнул с нечеловеческой медлительностью и перевел лишённые радужек глаза на фигуры вокруг стола. На экстренный совет созвали офицеров из всех четырех рот, которые составляли 2901-й экспедиционный флот. На собрание были допущены исключительно воины легиона. Их соратники из Имперской Армии и офицеры ауксильев, верно — пусть даже чувствуя себя неудобно — несшие службу рядом с ними на протяжении последних нескольких кампаний, остались на борту своих кораблей.

Если не считать вездесущего гудения множества комплектов силовой брони, собравшиеся воины молчали и не издавали звуков. С губ не срывалось никаких бормотаний или перешептываний. Они ждали в неестественной тишине — не в силу дисциплины, а хладнокровно пребывая в ожидании.

Что-то было не так. Это ощущали все.

Прикованные черепа загремели о боевой доспех Малхарииона, когда командующий флота ввел команду в гололитические проекторы стола. Изображение флота, заискрившись, пропало, и над горой пугающих предметов с потрескиванием возник другой аудио-визуальный образ.

Неровный свет принял форму Первого капитана Яго Севатарииона, Претора Нокс VIII легиона. Увенчанный гребнем шлем висел у него на поясе, а копьё — оружие, которое было почти так же известно в легионах, как сам воин — покоилось на одном плече. По бокам от него находились неподвижные воплощения двоих из его воинов-Атраментаров, отключенные молниевые когти которых хранили тишину и покой. Бледные лица окружающих Талоса легионеров глядели на капитана, и

призрачный свет придавал их белой коже чахоточную синеву.

— Братья по Восьмому легиону, — произнесла запись Севатара. Голос шипел от помех вокса. — Где бы вы ни были в этой империи лицемерия, какие бы кампании ни вели во имя нее, наш отец требует от вас немедленно присоединиться к «Сумраку».

Первый капитан заговорил вновь, и Талос заметил, что жизненные показатели его отделения на перчатке нартециума слегка повышаются.

— Время пришло. Направляйтесь полным ходом к системе Исствана.

Флот расходился безо всякого порядка. Первым прочь двинулся боевой корабль «Отрекшийся». Разогревая двигатели, он покинул формацию и начал преодолевать барьер между материальной Галактикой и миром по другую сторону пелены.

На палубах тех звездолетов, которые еще шли сообща, взвыли гудки и сирены, но к тому моменту, как корабли периметра начали отворачивать от уходящего «Отрекшегося», было уже слишком поздно. Злая машина в его сердце окутала металлическую кожу корабля сверкающими молниями варпа, и «Отрекшийся» ворвался в громадную прореху, сделанную им в реальности.

Два беспомощных ближайших эсминца сопровождения, экипаж каждого из которых составлял несколько тысяч человек, поволокло за ним. Огромные вихри эктоплазменного дыма, пронизанные молниями и бурлящие от вопящих лиц, впились в натужно работающие, содрогающиеся звездолеты. Щупальца тянущегося наружу шторма потащили корабли — неподготовленные и незащищенные — в варп следом за «Отрекшимся».

Талос наблюдал за этим с мостика «Завета крови». Он облокотился на перила, окружавшие приподнятую центральную платформу, где над работой всей палубы возвышался командный трон Малхариона. Безо всякого выражения на лице он смотрел, как беспомощные корабли падают в волны варпа, увлекаемые навстречу проклятию, а двигателям не удается вытянуть их на свободу. На миг Талос подумал о том, как коридоры заполняются криками тысяч мужчин и женщин, которые находятся на борту звездолетов, по мере того как незащищенные палубы захлестывает бурлящая кислота не-реальности.

Быстрая смерть, быть может, однако при ней в последних мучительных секундах души концентрируется бесконечность страданий.

«Завет крови» начал производить собственные маневры. Палуба задрожала под сапогами. Повинуясь однозадачному инстинкту, сервиторы пристегнулись к своим постам, а экипаж приготовился ко входу в Море Душ.

Из динамиков, установленных на изукрашенном готическом потолке командной палубы, звенели вызовы со всего оставшегося флота с запросами подтверждения и объяснений. Малхарион, сидевший на своем командном троне с терпением изваяния, заглушил их отрывистым жестом руки.

По гулу работающей брони Талос почувствовал, что приближается один из его сородичей. Чтобы понять, кто это, не требовалось смотреть на датчики сближения на нартециуме. Различать товарищей по отделению благодаря знакомству и инстинкту стало второй натурой — они двигались в разном ритме, пот имел различный запах, темп дыхания едва заметно отличался. Чувства космического десантника постоянно омывали его мозг информацией.

— Брат, — произнес Вандред Анрати, подходя ближе.

— Сержант, — отозвался Талос. Он не отводил свои черные глаза от скручивающихся и кувыркающихся кораблей, которые уже наполовину поглотило нематериальное пламя.

У сержанта Анрати было изящное точеное лицо с заостренными зубами, как у племен поклонников ночи, которые обитали за пределами задыхающихся от преступности городов Нострамо. Несмотря на варварское происхождение, его выдержка и самообладание вызывали зависть у многих. Мало кто из воинов мог столь спокойно управляться с перехватчиком «Ксифон» или руководить орбитальным сражением с такой дотошной точностью.

Он возглавлял командную группу капитана Малхариона и являлся советником командующего по вопросам войны в пустоте.

— Неплохое зрелище, не правда ли? — поинтересовался он.

Талос не ответил. Были времена, когда творящееся истребление пронизало бы его сердце мрачным весельем. Даже при пытках пленников легиона собственные действия казались ему оправданными. Мука и страх отмерялись во имя дела, во имя цели. Не случайным образом.

Однако наблюдение за тем, как родной мир горит и распадается на части, охладило его способность испытывать сочувствие. На самом деле, происходившее перед ним разрушение не вызывало у него ни восхищения, ни печали. В сущности, он вообще мало что чувствовал помимо смутного любопытства — извергнет ли когда-нибудь варп пойманные корабли обратно в реальное пространство, и какие повреждения они могли получить в его буйной хватке.

Вдалеке ударил гром, и палуба резко сотряслась. «*Бортовые залпы*, — подумал Талос. «Завет крови» стрелял по своему же флоту.

Это наконец заставило его набрать воздуха и задать вопрос о том, что же происходит.

— Почему? — спросил он, повернувшись, чтобы посмотреть сержанту в глаза.

Анрати ухмылялся чаще, чем большинство его братьев. Так он сделал и сейчас, продемонстрировав элегантно заточенные зубы. Ему не требовалось спрашивать, что имеет в виду аптекарий.

— Потому что я так приказал, а капитан Малхарион это санкционировал.

— Почему? — повторил Талос. Его глаза сузились от раздраженного любопытства. Ему хотелось ответов, а не очередных семантических пируэтов Анрати.

— Если убьем их сейчас, — ответил сержант, — не придется убивать их потом.

Медикэ было не одурачить. Талос фыркнул и снова перевел взгляд на огромные широкие экраны окулуса, которые теперь показывали горящие остовы кораблей сопровождения, гибнущих в черной пустоте меж миров и разваливающихся на части в тщетных попытках отползти прочь. «Завет» был рожден в небесах на священном Марсом и благословлен множеством орудий, способных ровнять с землей города. Лишенным щитов, доверчивым кораблям его союзников было совершенно не на что надеяться.

— Это злота, — наконец, произнес Талос. В висках начинала собираться боль, раскидывавшая свою нежеланную паутину в мозгу. — Мы могли бы вывести из строя тех, кого не можем убедить. Могли бы

просто сбежать, зная, что они никогда не смогут за нами поспеть, даже узнав, куда мы направляемся. Но вместо этого мы расстреливаем их из злобы.

Характерное пожимание плечами Анрати могло означать как согласие, так и отрицание.

— Тебе их жаль, Талос?

«*Жаль ли мне?*» На мгновение, на долю вдоха, он задумался. Мальчик, которым он был задолго до того, как встал облаченным в полночь рядом с братьями... тот ребенок, возможно, уставился бы на увиденное с благоговейным ужасом. Пока эмпатия, как и сочувствия, еще не выветрилась из его души.

Он обнаружил, что улыбается от этой мысли.

— Ты же знаешь, что нет, — сказал Талос.

— Тогда почему я слышу в твоём голосе неодобрение?

— У моего отвращения философская природа. Если мы уничтожаем из злобы, не ради цели или необходимости, то подкрепляем утверждения других легионов о том, кем мы являемся. Стоит вырезать достаточное количество людей без реальной причины, и мы станем теми самыми монстрами, которыми нас считают наши кузены. Пророчество, исполняющееся само по себе.

Анрати положил руку в перчатке на наплечник молодого воина. Пристегнутые к оплечью Талоса черепа затрещали о керамит, словно перешептываясь на каком-то приглушенном костяном языке.

— Талос, я никак не могу понять — то ли ты наивен, как демонстрируешь, то ли заблуждаешься, как кажется, то ли просто смеешься над всеми нами про себя.

Аптекарий опять посмотрел на экран оккулуса, глядя, как таинственные машины в сердце «Завета» терзают реальность. Перед ними раскрылась рана в космосе, изливающая из себя полосы пылающих молний яростной антиматерии и готовая поглотить корабль целиком.

— Возможно, истина где-то между всеми тремя вариантами, — наконец, произнес он. Давление в висках вспыхнуло настоящей мигренью, которая просачивалась сквозь череп, словно жгучая жидкость, и казалась омерзительным предостережением.

— Ты в порядке? — с настороженным удивлением поинтересовался Анрати.

«*Он знает, —* подумал Талос. — *Он это чувствует*». Что-то в лице аптекария выдало его неожиданную боль.

— Я никогда не убивал другого легионера, — сказал Талос. — Только и всего. Не могу не задаваться вопросом, на что это похоже.

— Брат, но я видел, как ты убивал многих. Наблюдал за этим собственными глазами.

Аптекарий наклонил голову, уступая.

— И да, и нет. Пытать и казнить — не совсем то же самое, что убивать.

Десантно-штурмовой корабль «Черный» был вороной грязно-синего и бронзового цветов. С корпусом, при помощи наполовину расплавившихся адамантовых цепей, были слиты тела чужих и отступников.

При входе в атмосферу трупы сгорали, и от них оставались лишь обугленные костяки. Их замена между заданиями являлась самым священным из всех действий, которые воины Первого Когтя когда-либо совершали вместе. Если не оказывалось врагов, Повелители Ночи из отделения Малхариона не брезговали в качестве замены распинать членов собственного смертного экипажа.

Талос и его братья стояли во мраке, а десантный корабль раскачивался вокруг них. Все они отказались от обращенных к корме фиксирующих обвязок, ради быстрого развертывания предпочтя стоять в передней секции и держаться за поручни над головой. Лишь наиболее осторожные примагнитили подошвы к трясушейся палубе.

— Пять минут, — произнес капитан Малхарион. — Надеть шлемы.

Талос надел шлем, окрасив свои чувства красным светом тактического дисплея. Замерцали курсоры целеуказания, вспыхнули счетчики боекомплекта. По глазным линзам побежали нострамские руны — поступали жизненные показатели и потоки данных от отделения. Системы доспеха приветствовали его погружение впрысками адреналинового химического огня в имплантаты на торсе и вдоль позвоночника.

— Первый Коготь, переключка, — скомандовал Малхарион. Суровый голос капитана скрежетал от сбоев вокса.

— Талос есть, — тут же откликнулся аптекарий.

— Вандред есть, — через мгновение произнес сержант Анрати.

— Рувен есть.

— Ксарл есть.

— Сайрион есть.

— Сар Зелл есть.

— Принято, — передал Малхарион по нагруженной вокс-сети. — Второй Коготь, переключка.

Дело двинулось дальше, отчитывались остальные когти, находившиеся на борту других челноков. Талос наблюдал, как на его ретинальном дисплее на мгновение со звоном возникают именные руны каждого из воинов Десятой роты по мере того, как их жизненные показатели передаются на перчатку нартециума.

— Девяносто два человека, — передал по воксу Талос, когда подсчет завершился. Он повернулся к капитану, стоявшему перед ротой. Малхарион напоследок проверял свой двуствольный болтер.

— Десятая рота готова, — сказал ему Талос.

— *Viris colratha dath sethicara tesh dasovallian*, — прошептал Малхарион на змеином нострамском языке.

— *Solruthis veh za jasz*.

Сыны нашего Отца, встаньте облаченными в полночь. Мы несем ночь.

Не было никаких ликующих криков, мрачных клятв или рева пропитанной адреналином готовности, столь частых в других легионах. После произнесения традиционных слов Повелители Ночи ждали, глядя в темноту через включенные целеуказатели. Некоторые улыбались, у некоторых были мертвые глаза, некоторые беззвучно скалили зубы от людоедских эмоций, которые не смог бы понять ни один смертный

— все по ту сторону лицевых щитков с нарисованными черепами.

Десантно-штурмовой корабль рванулся, практически падая с неба. Прежде, чем генетически внесенные изменения внутренних ушей успели компенсировать это, Талос на долю секунды ощутил тошноту. Она дала толчок давлению внутри черепа, которое до этого момента рассеивалось.

— Атмосфера преодолена, — произнес Малхарион. — Три минуты.

«Обратной дороги нет», — подумал Талос. Впрочем, на самом деле они миновали точку невозврата месяцами раньше. Возможно, даже годами — когда по приказу Ночного Призрака сожгли Нострамо, чтобы уничтожить тот яд, который просачивался в легион с его же собственными наборами рекрутов.

Рядом с аптекарием, держась за противоположный поручень, стоял Ксарл. У него за спиной был пристегнут двуручный цепной клинок, и Талос увидел, что на шлеме сородича горделиво высится гребень.

— Зачем ты его надел? — передал Талос брату по внутреннему каналу вокса отделения. — Там внизу будет не парадный плац.

Ксарл повернул к Талосу свой шлем с крыльями нетопыря. Красные линзы сверкали во мраке отсека транспорта.

— Гордость легиона, — раздался в ответ его хриплый низкий голос. — Это кажется правильным, если учесть, что мы вот-вот сделаем.

Стоявший позади Ксарла Сайрион пристегнул к своему болтеру цепной штык и проверял его, запуская с гудящим воем.

— Гребень почти такой же высоты, как у Севатара, — заметил он. — Враг примет тебя за героя.

Ксарл издал ворчание. Отрицание или отвращение — итог был один и тот же. Он снова развернулся лицом вперед.

В наступившей неуютной обстановке трясущегося корпуса и гремящего железа Сайрион оглянулся через плечо на Рувена, который рассеянно наблюдал, как по обнаженному клинку его силового меча пробегает рябь молний. Она отбрасывала во внутреннее пространство десантного корабля бледный свет, текучий и неприятный — его яркости как раз хватило бы, чтобы причинить боль чувствительным нострамским глазам воинов, будь кто-либо из них без шлема.

— Брат, ты будешь там внизу соблюдать предписания Никейского Эдикта?

Рувен, прикрепленный к Десятой роте библиарий, неприятно и насмешливо улыбнулся. Он убрал меч в ножны, снова погрузив их в настоящую темноту, и ничего не ответил.

Лишившись излюбленных объектов своих насмешек, Сайрион посмотрел через весь отсек на Талоса. По лицевому щитку воина спускались молнии, стихию изобразили в виде слез. Они сияли алым в свете глазных линз.

— Ну, — произнес Сайрион. — Как дела?

В полном соответствии с натурой Повелителей Ночи, схватка вышла какой угодно, но только не честной.

Они предоставили основную часть боя в Ургалльской низине передним подразделениям сил Магистра Войны Гора. У Малхариона были иные планы, которые Первый капитан Севатар благословил с особым удовольствием.

Малхарион повел Десятую роту во главе своего батальона вдоль юго-восточного хребта, задержавшись позади, чтобы посадить «Громовые ястребы» между колонн отступающих и израненных Железных Рук, которые пытались пробиться к собственным эвакуационным кораблям.

Только прибыв с орбиты и не проведя целый день в изматывающем сражении, продолжавшем вытягивать силы из вырезаемых легионов, Повелители Ночи врезались во врагов с не знающей покоя, радостной самозабвенностью.

Прошла половина долгого и кровавого дня, и требования, непрерывно предъявляемые избиением, уже сказывались и на сынах Керза. Их десантно-штурмовые корабли продолжали реветь над головой на бреющем полете, потроша лоялистов непрерывными залпами огня тяжелых болтеров и загоняя их на ожидающие клинки VIII легиона. Но эти клинки двигались медленнее в начинавших уставать руках. Израненные и раздробленные, Железные Руки, тем не менее, сопротивлялись резне с упорством, о котором их кузены с Нострамо уже жалели.

Талос выдернул свой цепной меч из очередного павшего воина, не обращая внимания на полетевшие с жужжащих зубьев клинка брызги крови, запятнавшие глазные линзы. Руку свело на эфесе, пальцы скрючились на активаторе и не могли разогнуться. Мышцы пылали от ожогов молочной кислоты, изнуряюще повторяя подъемы и взмахи клинка снова, снова и снова.

Лежавший на пропитанной кровью земле Железнодорожник вцепился в Повелителя Ночи, в своем чудовищном упрямстве даже не сознавая, что уже мертв. Очередной взмах цепного клинка отсек протянутую руку воина в запястье, выбросив сноп искр, а ударом на возврате Талос вогнал протестующе визжащее оружие в горло Железнодорожника. При проходе сквозь волоконные мускульные пучки на воротах горжета воина, от цепного меча отлетело еще несколько из сохранившихся зубьев. Наконец вытащив клинок, аптекарь с мимолетным раздражением посмотрел на горстку оставшихся, которые порознь крутились на движущемся лезвии. Он попытался отбросить оружие. Чтобы рука разжалась, потребовалось две попытки — настолько крепко ее свело после шести часов боя лицом к лицу.

Стоило мечу покинуть напряженную руку, как что-то, словно молот, врезалось в боковую часть шлема, рывком дернув голову назад и на два удара сердца сбив настройку глазных линз в мешанину красных помех. Талос поднимался из грязи, когда под правую руку обрушился еще один удар, от которого ребра пронзило резкими насыщенным ощущением расходящегося давления. Он почувствовал на языке привкус фицелинового дыма, а глубоко в горле — кровь.

На ретинальном дисплее, требуя его внимания, вспыхивали и мерцали сигналы, перечисляющие точные повреждения и даже указывающие угол вражеского обстрела. Прямо впереди на ретинальной картинке был обведен мерцающим контуром разбитый транспортер «Носорог» — изначальное направление движения сбивших его с ног болтов. На редкое мгновение собственные жизненные показатели приобрели больший приоритет, чем у братьев. Кровеносную систему пронзили уколы, доспех распределял обезболивающие и боевые стимуляторы.

Держа болтер одной рукой, он вслепую открыл ответный огонь через столпотворение сражающихся тел, мощная отдача оружия в кулаке придавала сил. Посреди чистой рукопашной не было укрытия. Ближайший остов разбитого танка находился в тридцати метрах.

Двое из его братьев были рядом, так близко, что до них почти можно было дотронуться. Слева Ксарл рубил налево и направо своим громадным цепным клинком, за ненадобностью отбросив все понятия об умении и рассекая неприкрытые сочленения черной брони Mk II, покрытой боевыми рубцами. Сайрион опустил в грязь, стоя на коленях над бьющимся в конвульсиях Железноруким и пиля своим штыком горло умирающего воина.

В воксе Ксарл — обычно сражавшийся в хладнокровном молчании — издавал первобытное урчание, несомненно, тоже ощущая жжение в мускулах после стольких часов боя. Сайрион чередовал ругательства, состоявшие из напоминавших о рептилиях нострамских звуков, периодически срываясь на смех. В его манере смеяться совершенно не было жестокости, он каким-то образом казался добродушным и благородным, даже вырывая сопернику глотку.

Талос двинулся дальше, ему необходимо было пробиться вперед. Земля под ногами представляла собой истерзанную россыпь разбитого керамика и залитой кровью грязи. Если он не перебирался через трупы павших, то шлепал по крови из их тел. Талос останавливался только для того, чтобы забрать у убитых боеприпасы, всаживая в умирающих болты из милосердия.

+ Перестань. +

Слово полыхнуло у него в сознании, скорее видимое, чем слышимое — начертанное огнем по ту сторону глаз. Апотекарий пошатнулся, рискнув бросить взгляд в бок в поисках следов библиария, Рувена. Потребовалось несколько секунд, чтобы зрение прояснилось от тумана пламени мигрени.

+ Перестань добивать павших. Милосердию здесь не место. +

Талос по-звериному зарычал от давления внутри головы. Виски сжимало так, что кости черепа закрипели от напряжения. От телепатии Рувена беспричинная боль последних недель запела резче и сильнее.

Библиарий стоял рядом с Малхарионом — *«Как всегда, — с презрительной улыбкой подумал Талос, — под защитой лучшего клинка роты»* — и помогал неуклонному продвижению Десятого капитана своими колдовскими молниями.

— Как я посмотрю, все притворство по поводу Эдикта отброшено, — пробормотал Сайрион по внутреннему каналу отделения.

Апотекарий оставил едкое замечание Сайриона без внимания.

— Это не милосердие, — передал он по воксу тому, кто сражался в тени Малхариона — Это благоразумие. Если продвинемся слишком далеко, раненые перегруппируются в достаточном количестве...

Находившийся впереди Рувен даже не удосужился оглянуться на Талоса. Облаченный в плащ из кожи библиарий размахивал своим тяжеловесным клинком, который рябил от психической энергии и издавал громовые раскаты каждый раз, когда меч обрушивался на иссеченный черный керамика.

+ Апотекарий, ты получил приказ. +

Талос уже набирал воздуха для ответа, когда ему под колено попал очередной болт, разбивший механические мускулы поножа. Спустя полсекунды еще два пришли в нижнюю часть нагрудника, расколов серебряную аквилу на груди и опрокинув его наземь. Он рухнул в перемешанную с кровью

грязь, но лишь для того, чтобы один из поверженных Железнодорожников всадил ему в поврежденный бок сломанный гладиус, что вызвало новую вспышку паники раздражающих ретинальных сигналов.

— Предатель, — выдохнул раненый медузиец, слово вырвалось из разбитой решетки вокса с булькающим треском. Талос уставился в обожженную пустую глазницу воина сквозь рассеченный лицевой щиток Железнодорожника. Это был миг гротескного братства, их объединяли раны, ненависть и клинок, который пробил сросшиеся ребра Повелителя Ночи.

Талос поднял свой болтер, прижав его к изуродованному огнем лицу воина.

— *Jasca*, — прошипел он по-ностремски. *Да*.

Он так и не нажал на спуск. Голова Железнодорожника откатилась в сторону, снесенная опустившимся взмахом огромного завывающего цепного меча Ксарла.

— Проклятье, вставай, — отчужденно скомандовал брат.

Ощерившись от адреналинового жжения болеутоляющих, Талос протянул руку. Занявший место Ксарла Сайрион схватил аптекаря за запястье и вздернул на ноги.

Теперь пульсация у Талоса в голове была прерывистым беспощадным давлением. Он едва мог что-то разглядеть за расплывающимися рунами, струившимися по каналам информации. Нейросканы, которые он тайком сделал на «Завете» несколько недель назад, не выявили повреждений мозга, однако боль с каждым днем становилась все более свирепой.

— Благодарю, — сказал он брату.

— Как уместно, — произнес Сайрион.

— Что?

Талос все еще пытался убрать ретинальные сигналы. Первый Коготь не понес потерь, однако другие отделения начинали изредка фиксировать поступление павших сородичей. Нужно было собирать генетический урожай.

Сайрион ударил кулаком в перчатке по дымящемуся нагруднику Талоса, где от выкованной из серебра аквилы остались лишь растрескавшиеся и почерневшие останки.

— Вот это, — ответил он. — Как уместно.

Скрип. Скрип. Скрип.

Воин сидел на корточках в уютной темноте, не нуждаясь в освещении, чтобы резать. Царапать на керамике было непростой задачей, но лезвие боевого клинка Легионес Астартес справлялось с ней достаточно уверенно.

Скрип. Скрип. Скрип.

Каждое движение острия клинка прокалывало пульсирующий нарыв боли в сознании. Каждый долгий скрип приносил облегчение, хоть и не освобождение. Он мог бороться с болью, уменьшить ее, но не прогнать.

Скрип. Скрип. Скрип.

Звук вырезания напоминал скрежет точильного камня, эхом отдававшийся от голых стен. Звук примитивного искусства, рождающегося посреди абсолютной черноты. Человеческие глаза не смогли бы пронзить мрак, но воин уже много лет не являлся человеком. Он видел, как видел в лишенном солнца мире, рожденный и выросший в городе, где свет являлся пороком, которому могли потворствовать лишь богачи.

Скрип. Скрип. Скрип.

Царапанье ритмично сопровождало вездесущему рычанию далеких двигателей боевого корабля. В работу воина вторгались и другие звуки, но они легко — неосознанно — игнорировались. В отдалении от его святилища слышались приглушенные стенания мужчин и женщин, занятых тяжким трудом на черных палубах, и гремевший стук переборок, которые открывались и закрывались где-то на «Завете крови». Вместе с ним в комнате были ритм медленно бьющегося человеческого сердца и булькающие вздохи смертного. Он слышал все это, не понимая по-настоящему. Оно представляло собой сенсорную бессмыслицу, поступающую вне контекста и не проникая за пелену его безжалостной сосредоточенности.

— Господин? — раздался голос.

Скрип. Скрип. Скрип.

— Господин?

Воин не поднимал глаз от работы, хотя и сбился с инстинктивного ритма вырезания.

— Господин? Я не понимаю.

Воин медленно вдохнул, только теперь осознав, что не дышал, издавая под нос низкое монотонное бормотание, сливавшееся с гулом двигателей корабля. Этого, наконец, оказалось достаточно, чтобы он поднял голову от своей резьбы.

В темноте стоял смертный, одетый в грязную форму легиона, с нострамской монетой на кожаном шнурке вокруг шеи. Воин какое-то время глядел на вымазанного сажей человека, чувствуя, как пересохшее горло сжимается в попытке произнести имя раба.

— Прим, — наконец, выговорил он. Звук собственного голоса ужаснул его. Казалось, будто он умер несколько недель назад, а вместо него говорит иссохший выходец из могилы.

По бородатому лицу раба прошло явное облегчение.

— Я принес воды.

Воин моргнул, чтобы зрение прояснилось, и потянулся к жестяной фляжке в руках у Прима. Он видел грязь под ногтями своего раба. Чувал затхлую солоноватость дарующей жизнь жидкости в металлической емкости.

Он отхлебнул. С каждым глотком боль в голове, уже изгнанная вырезанием, стихала все больше.

— Сколько? — спросил он. — Сколько я тут пробыв?

— Двенадцать дней, господин.

Двенадцать дней. Когда кончилась резня? Чем кончилась резня?

Он мало что помнил, кроме лицевого щитка Сайриона с вытравленными молниями, когда брат вздергивал его на ноги...

Талос повернулся к ближайшей стене, на темном железе были криво нацарапаны уродливые очертания нострамских рун. Надписи перекрещивались в явном беспорядке. Они тянулись по всей комнате, даже по палубе, вырезанные теперь уже затупившимся клинком в руке воина.

— Двенадцать дней, — произнес он вслух. Генетическое преобразование лишило его способности чувствовать страх, однако в крови заструился холодный, очень холодный ручеек неуютности при виде всех этих слов, процесс написания которых он не мог вспомнить.

— У меня что-то в голове, — сказал он. — Воспоминания о том, чего не было.

Приму было нечего ответить. Талос этого и не ждал. Он уже отвлекся — руны были и на его броне. В большинстве не было никакого смысла, но к бессмыслице примешивались имена его братьев.

Имя сержанта Анрати было жестоко выцарапано над руной, означающей «возвышенный».

Одна из фраз отозвалась в чувствах, когда его черные глаза прошли по ней. Предложение, которого ему уже никогда не забыть. Там, неровным и детским почерком, были написаны по-нострамски четыре слова.

Проклятье, гласили руны, быть сыном божьим.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Резня/_Massacre_\(рассказ\)&oldid=20572](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Резня/_Massacre_(рассказ)&oldid=20572)

Эта страница в последний раз была отредактирована 29 июля 2022 в 10:18.